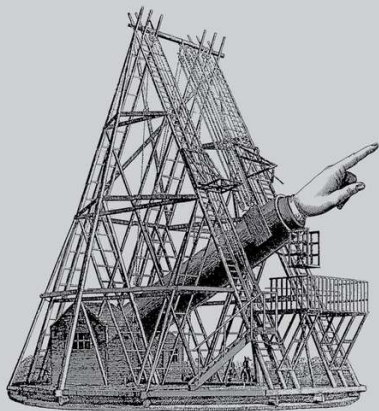

ИГОРЬ
ГУБЕРМАН

**ЛАВРОВЫЙ
ВЕНОК**
Я ОТПРАВИЛ
НА СУП...

Игорь Миронович Губерман
Лавровый венок я отправил на суп...
Серия «Гарики», книга 1

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8339583

Игорь Губерман. Лавровый венок я отправил на суп... Гарики. Том 1: Москва; 2014; 2014

ISBN ISBN 978-5-699-75032-0

Аннотация

В новое издание знаменитых гариков Игоря Губермана вошли циклы «Камерные гарики», «Гарики из Атлантиды», «Обгусевшие лебеди», а также абсолютно новые гарики, написанные Губерманом специально для этой книги! Сатира – визитная карточка Губермана – является в этих произведениях во всей красе: и в осмыслении политической ситуации в стране, и в рассуждениях о любви и семье (что далеко не всегда сопутствует друг другу). А блестящий юмор автора показывает широту и космополитичность взглядов Губермана на русских, евреев и людей любой национальности и вероисповедания.

Содержание

Камерные гарики	4
Тюремный дневник	5
Сибирский дневник. Часть первая	82
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Игорь Губерман

Лавровый венок я отправил на суп... Гарики. Том 1

Камерные гарики

Моей жене Тате – с любовью и благодарностью

* * *

Благодарю тебя, Создатель,
что шит не юбочно, а брючно,
что многих дам я был приятель,
но уходил благополучно.
Благодарю тебя, Творец,
за то, что думать стал я рано,
за то, что к водке огурец
ты посылал мне постоянно.
Благодарю тебя, Всевышний,
за все, к чему я привязался,
за то, что я ни разу лишний
в кругу друзей не оказался.
И за тюрьму благодарю,
она во благо мне явилась,
она разбила жизнь мою
на разных две, что тоже милость.
И одному тебе спасибо,
что держишь меру тьмы и света,
что в мире дьявольски красиво,
и мне доступно видеть это.

Тюремный дневник

* * *

*Во что я верю, жизнь любя?
Ведь невозможно жить, не веря.
Я верю в случай, и в себя,
и в неизбежность стука в двери.*

1977 год

* * *

*Я взял табак, сложил белье —
к чему ненужные печали?
Сбылось пророчество мое,
и в дверь однажды постучали.*

1979 год

* * *

Друзьями и покоем дорожи,
люби, покуда любится, и пей,
живущие над пропастью во лжи
не знают хода участи своей.

* * *

И я сказал себе: держись,
Господь суров, но прав,
нельзя прожить в России жизнь,
тюрьмы не повидав.

* * *

Попавшись в подлую ловушку,
сменив невольно место жительства,

кормлюсь, как волк, через кормушку
и охраняюсь, как правительство.

* * *

Свою тюрьму я заслужил.
Года любви, тепла и света
я наслаждался, а не жил,
и заплатить готов за это.

* * *

Серебра сигаретного пепла
накопился бы холм небольшой
за года, пока зрело и крепло
все, что есть у меня за душой.

* * *

Когда нам не на что надеяться
и Божий мир не мил глазам,
способна сущая безделица
пролиться в душу как бальзам.

* * *

В неволе зависть круче тлеет
и злее травит бытие;
в соседней камере светлее,
и воля ближе из нее.

* * *

Среди воров и алкоголиков
сiju я в каменном стакане,
и незнакомка между столиков
напрасно ходит в ресторане.
Дыша духами и туманами,

из кабака идет в кабак
и тихо плачет рядом с пьяными,
что не найдет меня никак.

* * *

Думаю я, глядя на собрата, —
пьяницу, подонка, неудачника, —
как его отец кричал когда-то:
«Мальчика! Жена родила мальчика!»

* * *

Несчастья освежают нас и лечат
и раны присыпают слоем соли;
чем ниже опускаешься, тем легче
дальнейшее наращиванье боли.

* * *

На крайности последнего отчаянья
негаданно-нежданно всякий раз
нам тихо улыбается случайная
надежда, оживляющая нас.

* * *

Страны моей главнейшая опора —
не стройки сумасшедшего размаха,
а серая стандартная контора,
владеющая ниточками страха.

* * *

Тлетворной мы пропитаны смолой
апатии, цинизма и безверия.
Связавши их порукой круговой,
на них, как на китах, стоит империя.

* * *

Как же преуспели эти суки,
здесь меня гоняя, как скотину,
я теперь до смерти буду руки
при ходьбе закладывать за спину.

* * *

Повсюду, где забава и забота,
на свете нет страшнее ничего,
чем цепкая серьезность идиота
и хмурая старательность его.

* * *

Здесь радио включают, когда бьют,
и музыкой притушенные крики
звучат как предъявляемые в суд
животной нашей сущности улики.

* * *

Томясь тоской и сомнением,
не сетуй все, милый мой,
жизнь постижима лишь в сравнении
с болезнью, смертью и тюрьмой.

* * *

Плевать, что небо снова в тучах
и гнет в тоску блажная высь,
печаль души врачует случай,
а он не может не найтись.

* * *

Еда, товарищи, табак,
потом вернусь в семью;
я был бы сволочь и дурак,
ругая жизнь мою.

* * *

Я заметил на долгом пути,
что, работу любя беззаветно,
палачи очень любят шутить
и хотят, чтоб шутили ответно.

* * *

Из тюрьмы ощутил я страну —
даже сердце на миг во мне замерло —
всю подряд в ширину и длину
как одну необъятную камеру.

* * *

Бог молча ждет нас. Боль в груди.
Туман. Укол. Кровать.
И жар тоски, что жил в кредит
и нечем отдавать.

* * *

Я ночью просыпался и курил,
боясь, что то же самое приснится:
мне машет стая тысячами крыл,
а я с ней не могу соединиться.

* * *

Прихвачен, как засосанный в трубу,
я двигаюсь без жалобы и стога,
теперь мою дальнейшую судьбу
решит пищеварение закона.

* * *

Прощай, удача, мир и нега!
Мы привыкаем ко всему;
от невозможности побега
я полюбил свою тюрьму.

* * *

У жизни человеческой на дне,
где мерзости и боль текущих бед,
есть радости, которые вполне
способны поддержать душевный свет.

* * *

Там, на утраченной свободе,
в закатных судорогах дня
ко мне уныние приходит,
а я в тюрьме, и нет меня.

* * *

Империи летят, хрустят короны,
история вершит свой самосуд,
а нам сегодня дали макароны,
а завтра – передачу принесут.

* * *

Когда уходит жить охота
и в горло пища не идет,
какое счастье знать, что кто-то
тебя на этом свете ждет.

* * *

Здесь жестко стелется кровать,
здесь нет живого шума,
в тюрьме нельзя болеть и ждать,
но можно жить и думать.

* * *

Что я понял с тех пор, как попался?
Очень много. Почти ничего.
Человеку нельзя без пространства,
и пространство мертво без него.

* * *

Мой ум имеет крайне скромный нрав,
и наглость мне совсем не по карману,
но если положить, что Дарвин прав,
то Бог создал всего лишь обезьяну.

* * *

Мы жизни наши ценим слишком низко,
меж тем как, то медвяная, то деготь,
история течет настолько близко,
что пальцами легко ее потрогать.

* * *

Я теперь вкушаю винегрет
сетований, ругани и стонов,
принят я на главный факультет
университета миллионов.

* * *

С годами жизнь пойдет налаженной
и все забудется, конечно,
но хрип ключа в замочной скважине
во мне останется навечно.

* * *

В любом из нас гармония живет
и в поисках, во что ей воплотиться,
то бьется, как прихваченная птица,
то пляшет и невнятицу поет.

* * *

Для райского климата райского сада,
где все зеленеет от края до края,
тепло поступает по трубам из ада,
а топливо ада – растительность рая.

* * *

Россия безнадежно и отчаянно
сложилась в откровенную тюрьму,
где бродят тени Авеля и Каина
и каждый сторож брату своему.

* * *

Был юн и глуп, ценил я сложность
своих знакомых и подруг,
а после стал искать надежность,
и резко сузился мой круг.

* * *

Душа предметов призрачна с утра,
мертва природа стульев и буфетов,
потом приходит сумерек пора,
и зыбко оживает мир предметов.

* * *

Из тюрьмы собираюсь я вновь
по пути моих предков-скитальцев;
увезу я отсюда любовь,
а оставлю оттиски пальцев.

* * *

Последняя ночная сигарета
потрескивает искрами костра,
комочек благодарственного света
домашним, кто прислал его вчера.

* * *

Бывает в жизни миг зловещий —
как чувство чуждого присутствия —
когда тебя коснутся клещи
судьбы, не знающей сочувствия.

* * *

Устал я жить как дилетант,
я гласу Божескому внемлю
и собираюсь свой талант
навек зарыть в Святую землю.

* * *

В неволе все с тобой на «ты»,
но близких вовсе нет кругом,
в неволе нету темноты,
но даже свет зажжен врагом.

* * *

Судьба мне явно что-то роет,
сизжу на греющемся кратере,
мне так не хочется в герои,
мне так охота в обыватели!

* * *

Допрос был пустой, как ни бились...
Вернулся на жесткие нары.
А нервы сейчас бы сгодились
на струны для лучшей гитары.

* * *

В беде я прелесть новизны
нашел, утратив спесь,
и, если бы не боль жены,
я был бы счастлив здесь.

* * *

Не тем страшна глухая осень,
что выцвел, вянешь и устал,
а что уже под сердцем носим
растущий холода кристалл.

* * *

Сколько силы, тюрьма, в твоей хватке!
Мне сегодня на волю не хочется,
словно ссохлась душа от нехватки
темноты, тишины, одиночества.

* * *

Не требуют от жизни ничего
российского Отечества сыны,
счастливые незнанием того,
чем именно они обделены.

* * *

В объятьях водки и режима
лежит Россия недвижимо,
и только жид, хотя дрожит,
но по веревочке бежит.

* * *

Когда судьба, дойдя до перекрестка,
колеблется, куда ей повернуть,
не бойся неназойливо, но жестко
слегка ее коленом подтолкнуть.

* * *

Разгульно, раздольно, цветисто,
стремясь догореть и излиться,
эпохи гниют живописно,
но губительно для очевидца.

* * *

Зачем в герое и в ничтожестве
мы ищем сходства и различия?
Ища величия в убожестве.
Познав убожество величия.

* * *

В России слезы светятся сквозь смех,
Россию Бог безумием карал,
России послужили больше всех
те, кто ее сильнее презирал.

* * *

Я стараюсь вставать очень рано
и с утра для душевной разминки
сыплю соль на душевные раны
и творю по надежде поминки.

* * *

Впервые жизнь явилась мне
всей полнотой произведения:
у бытия на самом дне —
свои высоты и падения.

* * *

С утра на прогулочном дворике
лежит свежавыпавший снег
и выглядит странно и горько,
как новый в тюрьме человек.

* * *

Сижу пока под следственным давлением
в одном из многих тысяч отделений;
вдыхают прокуроры с вожделием
букет моих кошмарных преступлений.

* * *

В тюрьме я учился по жизням соседним,
сполна просветившись догадкою главной,
что надо делиться заветным последним —
для собственной пользы, неясной, но явной.

* * *

Жаль мне тех, кто тюрьмы не изведал,
кто не знает ее сновидений,
кто не слышал неспешной беседы
о бескрайностях наших падений.

* * *

Тюремная келья, монашеский пост,
за дверью солдат с автоматом,
и с утренних зорь до полуночных звезд —
молитва, творимая матом.

* * *

Вокруг себя едва взгляну,
с тоскою думаю холодной:
какой кошмар бы ждал страну,
где власть и впрямь была народной.

* * *

В тюрьме я в острых снах переживаю
такую беготню по приключениям,
как будто бы сгущенно проживаю
то время, что убито заключением.

* * *

Когда уход из жизни близок,
хотя не тотчас, не сейчас,
душа, предошущая вызов,
духовней делается в нас.

* * *

Не потому ли мне так снятся
лихие сны почти все ночи,
что Бог позвал меня на танцы,
к которым я готов не очень?

* * *

Всмотревшись пристрастно и пристально,
я понял, что надо спешить,
что жажда покоя и пристани
вот-вот помешает мне жить.

* * *

У старости есть мания страдать
в томительном полночном наваждении,
что попусту избыта благодать,
полученная свыше при рождении.

* * *

Не лезь, мой друг, за декорации —
зачем ходить потом в обиде,
что благороднейшие грации
так безобразны в истом виде.

* * *

Вчера сосед по нарам взрезал вены;
он смерти не искал и был в себе,
он просто очень жаждал перемены
в своей остановившейся судьбе.

* * *

Я скепсисом съеден и дымом пропитан,
забыта весна и растрчено лето,
и бочка иллюзий пуста и разбита,
а жизнь — наслаждение, полное света.

* * *

Я что-то говорю своей жене,
прищурившись от солнечного глянца,
а сын, поймав жука, бежит ко мне.
Такие сны в тюрьме под утро снятся.

* * *

Вот и кости ломит в непогоду,
хрипы в легких чаще и угарней;
возвращаясь в мертвую природу,
мы к живой добрей и благодарней.

* * *

Все, что пропустил и недоделал,
все, чем по-дурацки пренебрег,
в памяти всплывает и умело
ночью прямо за душу берет.

* * *

Блажен, кто хлопотлив и озабочен
и ночью видит сны, что снова день,
и крутится с утра до поздней ночи,
ловя свою вертящуюся тень.

* * *

Где крыша в роли небосвода —
свой дух, свой быт, своя зима,
своя печаль, своя свобода
и даже есть своя тюрьма.

* * *

Мое безделье будет долгим,
еще до края я не дожил,
а те, кто жизнь считает долгом,
пусть объяснят, кому я должен.

* * *

Наклонись, философ, ниже,
не дрожи, здесь нету бесов,
трюмы жизни пахнут жижей
от общественных процессов.

* * *

Курилки, подоконники, подъезды,
скамейки у акаций густолистных —
все помощи там были безвозмездны,
все мысли и советы бескорыстны.
Теперь, когда я взвешиваю слово
и всякая наивность неуместна,
я часто вспоминаю это снова:
курилки, подоконники, подъезды.

* * *

Чуть пожил — и нет меня на свете —
как это диковинно, однако;
воздух пахнет сыростью, и ветер
воет над могилой, как собака.

* * *

Весной я думаю о смерти.
Уже нигде. Уже никто.
Как будто был в большом концерте
и время брать внизу пальто.

* * *

По камере то вдоль, то поперек,
обдумывая жизнь свою, шагаю
и каждый возникающий упрек
восторженно и жарко отвергаю.

* * *

В неволе я от сытости лечился,
учился полувзгляды понимать,
с достоинством проигрывать учился
и выигрыш спокойно принимать.

* * *

Тюрьмой сегодня пахнет мир земной,
тюрьма сочится в души и умы,
и каждый, кто смиряется с тюрьмой,
становится строителем тюрьмы.

* * *

Ветреник, бродяга, вертопрах,
слушавшийся всех и никого,
лишь перед неволей знал я страх,
а теперь лишился и его.

* * *

В тюрьме, где ощутил свою ничтожность,
вдруг чувствуешь, смятение тая,
бессмысленность, бесцельность, безнадежность
и дикое блаженство бытия.

* * *

Тюрьмою наградила напоследок
меня отчизна-мать, спасибо ей,
я с радостью и гордостью изведаль
судьбу ее не худших сыновей.

* * *

Когда, убогие калеки,
мы устаем ловить туман,
какое счастье знать, что реки
впадут однажды в океан.

* * *

Здесь ни труда, ни алкоголя,
а большинству беда втройне —
еще и каторжная доля
побыть с собой наедине.

* * *

Напрасны страх, тоска и ропот,
когда судьба влечет во тьму;
в беде всегда есть новый опыт,
полезный духу и уму.

* * *

А часто в час беды, потерь и слез,
когда несчастья рыщут во дворе,
нам кажется, что это не всерьез,
что вон уже кричат — конец игре.

* * *

Всю жизнь я больше созерцал,
а утруждался очень мало,
светильник мой, хотя мерцал,
но сквозь бутылку и вполнакала.

* * *

Года промчатся быстрой ланью,
укроет плоть суглинка пласт,
и Бог-отец могучей дланью
моей душе по жопе даст.

* * *

В тюрьму я брошен так давно,
что сжился с ней, признаться честно;
в подвалах жизни есть вино,
какое воле неизвестно.

* * *

Какое это счастье: на свободе
со злобой и обидой через грязь
брести домой по мерзкой непогоде
и чувствовать, что жизнь не удалась.

* * *

Глаза упавшего коня,
огромный город без движения,
помойный чан при свете дня —
моей тюрьмы изображение.

* * *

Стихов довольно толстый томик,
отмычку к райским воротам,
а также свой могильный холмик
меняю здесь на бабу там!

* * *

В тюрьме вечерами сидишь молчаливо
и очень на нары не хочется лезть,
а хочется мяса, свободы и пива
и изредка – славы, но чаще – поесть.

* * *

В наш век искусственного меха
и нефтью пахнущей икры
нет ничего дороже смеха,
любви, печали и игры.

* * *

Тюрьма – не только боль потерь.
Источник темных откровений,
тюрьма еще окно и дверь
в пространство новых измерений.

* * *

В тюрьму посажен за грехи
и сторожимый мразью разной,
я душу вкладывал в стихи,
а их носил под пяткой грязной.

* * *

И по сущности равные шельмы,
и по глупости полностью схожи
те, кто хочет купить подешевле,
те, кто хочет продать подороже.

* * *

Взломщики, бандиты, коммунары,
взяточники, воры и партийцы —
сотни тел полировали нары,
на которых мне сейчас не спится.
Тени их проходят предо мною
кадрами одной кошмарной серии,
и волной уходят за волною
жертвы и строители империи.

* * *

Грабительство, пьяная драка,
раскража казенного груза...
Как ты незатейна, однако,
российской преступности Муза!

* * *

Все дороги России — беспутные,
все команды в России — пожарные,
все эпохи российские — смутные,
все надежды ее — лучезарные.

* * *

Меня не оставляет ни на час
желание кому-то доказать,
что беды, удручающие нас,
на самом деле тоже благодать.

* * *

Божий мир так бестрепетно ясен
и, однако, так сложен притом,
что никак и ничуть не напрасен
страх и труд не остаться скотом.

* * *

На улице сейчас – как на душе:
спокойно, ясно, ветрено немного,
и жаль слегка, что главная дорога,
по-видимому, пройдена уже.

* * *

Есть еле слышный голос крови,
наследства предков тонкий глас,
он сводит или прекословит,
когда судьба сближает нас.

* * *

Нет, не судьба творит поэта,
он сам судьбу свою творит,
судьба – платежная монета
за все, что вслух он говорит.

* * *

Вослед беде идет удача,
а вслед удачам – горечь бед;
мир создан так, а не иначе,
и обижаться смысла нет.

* * *

Живущий – улыбайся в полный рот
и чаще пей взбодряющий напиток;
в ком нет веселья – в рай не попадет,
поскольку там зануд уже избыток.

* * *

Последнюю в себе сломив твердыню
и смыв с лица души последний грим,
я, Господи, смирил свою гордыню,
смири теперь свою – поговорим.

* * *

Я глубже начал видеть пустоту,
и чавкающей грязи плодородность,
и горечь, что питает красоту,
и розовой невинности бесплодность.

* * *

Искрение, честность, метание,
нелепости взрывчатой смелости —
в незрелости есть обаяние,
которого нету у зрелости.

* * *

Чем нынче занят? Вновь и снова
в ночной тиши и свете дня
я ворошу золу бывшего,
чтоб на сейчас найти огня.

* * *

Как никакой тяжелый час,
как никакие зной и холод,
насквозь просвечивает нас
рентген души – тюремный голод.

* * *

Нет, не бездельник я, покуда голова
работает над пряжею певучей;
я в реки воду лью, я в лес ношу дрова,
я ветру дую вслед, гоняя тучи.

* * *

Вот человек. Лицо и плечи.
Тверда рука. Разумна речь.
Он инженер. Он строил печи,
чтобы себе подобных жечь.

* * *

Не страшно, а жаль мне подонка,
пуглив его злобный оскал,
похожий на пса и ребенка,
он просто мужчиной не стал.

* * *

У прошлого есть запах, вкус и цвет,
стремление учить, влиять и значить,
и только одного, к несчастью, нет —
возможности себя переиначить.

* * *

Двуногим овцам нужен сильный пастырь.
Чтоб яростен и скор. Жесток и ярок.
Но изредка жалел и клеил пластырь
на раны от зубов его овчарок.

* * *

Не спорю, что разум, добро и любовь
движение мира ускорили,
но сами чернила истории – кровь
людей, непричастных к истории.

* * *

Соблазн тюремных искушений
однообразен, прям и прост:
избегнуть боли и лишений,
но завести собачий хвост.

* * *

Пока я немного впитал с этих стен,
их духом омыт не вполне,
еще мне покуда больнее, чем тем,
кого унижают при мне.

* * *

До края дней теперь удержится
во мне рожденная тюрьмой
беспечность узников и беженцев,
уже забывших путь домой.

* * *

По давней наблюдательности личной
забавная печальность мне видна:
гавно глядит на мир оптимистичней,
чем те, кого воротит от гавна.

* * *

В столетии ничтожном и великом,
дивясь его паденьям и успехам,
топчусь между молчанием и криком,
мечусь между стенанием и смехом.

* * *

Течет апрель, водой звеня,
мир залит воздухом и светом;
мой дом печален без меня,
и мне приятно знать об этом.

* * *

Боюсь, что враг душевной смуты,
не мизантроп, но нелюдим,
Бог выключается в минуты,
когда Он нам необходим.

* * *

Везде, где наш рассудок судит верно,
выходит снисхождение и милость;
любая справедливость милосердна,
а иначе она не справедливость.

* * *

Вот небо показалось мне с овчину,
и в пятки дух от ужаса сорвался,
и стал я пробуждать в себе мужчину,
однако он никак не отозвался.

* * *

Я уношу, помимо прочего,
еще одно тюрьмы напутствие:
куда трудней, чем одиночество,
его немолчное отсутствие.

* * *

Не во тьме мы оставим детей,
когда годы сведут нас на нет;
время светится светом людей,
много лет как покинувших свет.

* * *

Неощутим и невесом,
тоской бесплотности несомый,
в тюрьму слетает частый сон
о жизни плотской и весомой.

* * *

Я рад, что знаю вдохновение,
оно не раз во мне жило,
оно легко, как дуновение,
и, как похмелье, тяжело.

* * *

Жаждающих уверовать так много,
что во храмах тесно стало вновь,
там через обряды ищут Бога,
как через соитие — любовь.

* * *

Как мечту, как волю, как оазис —
жду каких угодно перемен,
столько жизней гасло до меня здесь,
что тлетворна память этих стен.

* * *

Когда с самим собой наедине
обкуривал я грязный потолок,
то каялся в единственной вине —
что жил гораздо медленней, чем мог.

* * *

Мне наплевать на тьму лишений
и что меня пасет свинья,
мне жаль той сотни искушений,
которым сдаться мог бы я.

* * *

Волшебный мир, где ты с подругой;
женой становится невеста;
жена становится супругой,
и мир становится на место.

* * *

Надо жить, и единственно это
надо делать в любви и надежде;
равнодушно вращает планета
кости всех, кто познал это прежде.

* * *

Фортуна – это женщина, уступка
ей легче, чем решительный отказ,
а пластика просящего поступка
зависит исключительно от нас.

* * *

Не наблюдал я никогда
такой же честности во взорах
ни в ком за все мои года,
как в нераскаявшихся ворах.

* * *

Лежу на нарах без движения,
на стены сумрачно гляжу;
жизнь – это самовыражение,
за это здесь я и сижу.

* * *

Мы постоянно пашем пашни
или возводим своды башен,
где днем еще позавчерашним
мы хоронили близких наших.

* * *

Горит ночной плафон огнем вокзальным,
и я уже настолько здесь давно,
что выглядит былое нереальным
и кажется прочитанным оно.

* * *

Сгущается вокруг тугой туман,
а я в упор не вижу черных дней —
природный оптимизм, как талисман,
хранит меня от горя стать умней.

* * *

За то, что я сидел в тюрьме,
потомком буду я замечен,
и сладкой чушью обо мне
мой образ будет изувечен.

* * *

Мне жизнь тюрьму, как сон, послала,
так молча спит огонь в золе,
земля — надевши снежный саван,
и семя, спящее в земле.

* * *

Не сваливай вину свою, старик,
о предках и эпохе спор излишен;
наследственность и век — лишь черновик,
а начисто себя мы сами пишем.

* * *

Любовная ложь и любезная лесть,
хотя мы и знаем им цену,
однако же вновь побуждают нас лезть
на стену, опасность и сцену.

* * *

Поскольку предан я мечтам,
то я сижу в тюрьме не весь,
а часть витает где-то там,
и только часть ютится здесь.

* * *

Любовь, ударившись о быт,
скудеет плотью, как старуха,
а быт безжизнен и разбит,
как плоть, лишившаяся духа.

* * *

Есть безделья, которые выше трудов,
как монеты различной валюты,
есть минуты, которые стоят годов,
и года, что не стоят минуты.

* * *

О чем ты молишься, старик?
О том, чтоб ночью в полнолуние
меня постигло хоть на миг
любви забытое безумие.

* * *

Нужда и несчастье, тоска и позор —
единственно верные средства,
чтоб мысли и света соткался узор,
оставшись потомку в наследство.

* * *

О том, что подлость заразительна
и через воздух размножается,
известно всем, но утешительно,
что ей не каждый заражается.

* * *

Не знаю вида я красивей,
чем в час, когда взошла луна
в тюремной камере в России
зимой на волю из окна.

* * *

Сижу в тюрьме, играя в прятки
с весной, предательски гнилой,
а дни мелькают, словно пятки
моей везучести былой.

* * *

По счастью, я не муж наук,
а сын того блажного племени,
что слышит цвет и видит звук
и осязает запах времени.

* * *

То ли поздняя ночь, то ли ранний рассвет.
Тишина. Полумрак. Полусон.
Очень ясно, что Бога в реальности нет.
Только в нас. Ибо мы — это Он.

* * *

Вчера я так вошел в экстаз,
ища для брани выражения,
что только старый унитаз
такие знает извержения.

* * *

Как сушат нас число и мера!
Наседка века их снесла.
И только жизнь души и хера
не терпит меры и числа.

* * *

Счастливый сон: среди вин сухих,
с друзьями в прениях бесплодных
за неимением дел своих
толкую о международных.

* * *

Нас продают и покупают,
всмотреться если – задарма:
то в лести густо искупают,
то за обильные корма.
И мы торгуемся надменно,
давясь то славой, то рублем,
а все, что истинно бесценно,
мы только даром отдаем.

* * *

Чтоб хоть на миг унять свое
любви желание шальное,
мужик посмеет сделать все,
а баба – только остальное.

* * *

Как безумец, я прожил свой день,
я хрипел, мельтешил, заикался;
я спешил обогнать свою тень
и не раз об нее спотыкался.

* * *

Со всеми свой и внешностью как все,
я чувствую, не в силах измениться,
что я чужая спица в колесе,
которое не нужно колеснице.

* * *

Беды и горечи микробы
витают здесь вокруг и рядом;
тюрьма – такой источник злобы,
что всю страну питает ядом.

* * *

Про все, в чем убежден я был заочно,
в тюрьме поет неслышимая скрипка:
все мертвое незыблемо и прочно,
живое – и колеблемо, и зыбко.

* * *

Забавно слушать спор интеллигентов
в прокуренной застольной духоте,
всегда у них идей и аргументов
чуть больше, чем потребно правоте.

* * *

Без удержу нас тянет на огонь,
а там уже, в тюрьме или в больнице,
с любовью снится женская ладонь,
молившая тебя остановиться.

* * *

Как жаль, что из-за гонора и лени
и холода, гордыней подогретого,
мы часто не вставали на колени
и женщину теряли из-за этого.

* * *

Ростки решетчатого семени
кошмарны цепкостью и прочностью,
тюрьма снаружи – дело времени,
тюрьма внутри – страшна бессрочностью.

* * *

В тюрьме я понял: Божий глас
во мне звучал зимой и летом:
налей и выпей, много раз
ты вспомнишь с радостью об этом.

* * *

Чума, холера, оспа, тиф,
повальный голод, мор детей...
Какой невинный был мотив
у прежних массовых смертей.

* * *

Ругая суету и кутерьму
и скорости тугое напряжение,
я молча вспоминаю про тюрьму
и жизнь благословляю за движение.

* * *

В России мы сплоченней и дружней
совсем не от особенной закалки,
а просто мы друг другу здесь нужней,
чтоб выжить в этой соковыжималке.

* * *

А жизнь продолжает вершить поединок
со смертью во всех ее видах,
и мавры по-прежнему душат блондинок,
свихнувшись на ложных обидах.

* * *

Блажен, кто хоть недолго, но остался
в меняющейся памяти страны,
живя в уже покинутом пространстве
звучанием затронутой струны.

* * *

Едва в искусстве спесь и чванство
мелькнут, как в супе тонкий волос,
над ним и время, и пространство
смеются тотчас в полный голос.

* * *

Ладонями прикрыл я пламя спички,
стремясь не потревожить сон друзей;
заботливости мелкие привычки —
свидетельство живучести моей.

* * *

Кто-то входит в мою жизнь. И выходит.
Не стучась. И не спросивши. И всяко.
Я привык уже к моей несвободе,
только чувство иногда, что собака.

* * *

Суд земной и суд небесный —
вдруг окажутся похожи?
Как боюсь, когда воскресну,
я увидеть те же рожи!

* * *

В любом краю, в любое время,
никем тому не обучаем,
еврей становится евреем,
дыханьем предков облучаем.

* * *

Не зря ученые пред нами
являют наглое зазнайство;
Бог изучает их умами
свое безумное хозяйство.

* * *

Ночь уходит, словно тает, скоро утро.
Где-то птицы, где-то зелень, где-то дети.
Изумительный оттенок перламутра
сквозь решетки заливает наши клетки.

* * *

Клянусь едой, ни в малом слове
обиды я не пророню,
давным-давно я сам готовил
себе тюремное меню.

* * *

Весной вырастают в почву палки,
Шалеют кошки и коты,
весной быки жуют фиалки,
а пары ищут темноты.
Весной тупеют лбы ученые,
и запах в городе лесной,
и только в тюрьмах заключенные
слабеют нервами весной.

* * *

Лишен я любимых и дел, и игрушек,
и сведены чувства почти что к нулю,
и мысли – единственный вид потаскушек,
с которыми я свое ложе делю.

* * *

Когда лысые станут седыми,
выйдут мыши на кошачью травлю,
в застоявшемся камерном дыме
я мораль и здоровье поправлю.

* * *

Среди других есть бог упрямства,
и кто служил ему серьезно,
тому и время, и пространство
сдаются рано или поздно.

* * *

В художнике всегда клубятся густо
возможности капризов и причуд;
искусственность причастного к искусству —
такой же чисто творческий этюд.

* * *

Мы постигаем дно морское,
легко летим за облака
и только с будничной тоскою
не в силах справиться пока.

* * *

Молчит за дверью часовой,
молчат ума и сердца клавиши,
когда б не память, что живой,
в тюрьме спокойно, как на кладбище.

* * *

Читая позабытого поэта
и думая, что в жизни было с ним,
я вижу иногда слова приветов,
мне лично адресованные им.

* * *

В туманной тьме горят созвездия,
мерцая зыбко и недружно;
приятно знать, что есть возмездие
и что душе оно не нужно.

* * *

Время, что провел я в школьной пыли,
сплыло, словно капля по усам,
сплыло все, чему меня учили.
Всплыло все, чему учился сам.

* * *

Слегка устав от заточения,
пускаю дым под потолок;
тюрьма, хотя и заключение,
но уж отнюдь не эпилог.

* * *

Добру доступно все и все с руки,
добру ничто не чуждо и не странно,
окрестности добра столь велики,
что зло в них проживает невозбранно.

* * *

За женщиной мы гонимся упорно,
азартом распаляя обожание,
но быстро стынют радости от формы
и грустно проступает содержание.

* * *

Занятия, что прерваны тюрьмой,
скатились бы к бесплодным разговорам,
но женщины, не познанные мной,
стоят передо мной живым укором.

* * *

Язык вранья упруг и гибок
и в мыслях строго безупречен,
а в речи правды – тьма ошибок
и слог нестройностью увечен.

* * *

В тюрьме почти насквозь раскрыты мы,
как будто сорван прочь какой-то тормоз;
душевная распаханность тюрьмы —
российской задушевности прообраз.

* * *

У безделья – особые горести
и свое расписание дня,
на одни угрызения совести
уходило полдня у меня.

* * *

Тюремный срок не длится вечность,
еще обнимем жен и мы,
и только жаль мою беспечность,
она не вынесла тюрьмы.

* * *

Среди тюремного растрепанья
живу, слегка опавши в теле,
и сочиняю впечатления,
которых нет на самом деле.

* * *

Я часто изводил себя ночами,
на промахи былого сыпал соль;
пронзительность придуманной печали
притушивала подлинную боль.

* * *

Доставшись от ветхого прадеда,
во мне совместились исконно
брезгливость к тому, что несправедно,
с азартом к обману закона.

* * *

Спокойно отсидевши, что положено,
я долго жить себе даю зарок,
в неволе жизнь настолько заторможена,
что Бог не засчитает этот срок.

* * *

В тюрьме, от жизни в отдалении,
слышнее звук душевной речи:
смысл бытия – в сопротивлении
всему, что душит и калечит.

* * *

Не скроешь подлинной природы
под слоем пудры и сурьмы,
и как тюрьма – модель свободы,
свобода – копия тюрьмы.

* * *

Не с того ль я угрюм и печален,
что за год, различимый насквозь,
ни в одной из известных мне спален
мне себя наблюдать не пришлось?

* * *

Держась то в стороне, то на виду,
не зная, что за роль досталась им,
есть люди, приносящие беду
одним только присутствием своим.

* * *

Все цвета здесь – убийственно серы,
наша плоть – воплощенная тленность,
мной утеряно все, кроме веры
в абсолютную жизни бесценность.

* * *

В жестокой этой каменной обители
свихнулась от любви душа моя,
И рад я, что мертвы уже родители,
и жаль, что есть любимая семья.

* * *

В двадцатом – веке черных гениев —
любым ветрам доступны мы,
и лишь беспечность и презрение
спасают нас в огне чумы.

* * *

Тюрьма, конечно, – дно и пропасть,
но даже здесь, в земном аду,
страх – неизменно верный компас,
ведущий в худшую беду.

* * *

Моя игра пошла всерьез —
к лицу лицом ломлюсь о стену,
и чья возьмет – пустой вопрос,
возьмет моя, но жалко цену.

* * *

Тюрьма не терпит лжи и фальши,
чужда словесных украшений
и в этом смысле много дальше
ушла в культуре отношений.

* * *

Мы предателей наших никак не забудем
и счета им предъявим за нашу судьбу,
но не дай мне Господь недоверия к людям,
этой страшной болезни, присущей рабу.

* * *

В тюрьме нельзя свистеть – примета
того, что годы просвистишь
и тем, кто отнял эти лета,
уже никак не отомстишь.

* * *

Здравствуй, друг, я живу хорошо,
здесь дают и обед, и десерт;
извини, написал бы еще,
но уже я заклеил конверт.

* * *

Как странно: вагонный попутчик,
случайный и краткий знакомый —
они понимают нас лучше,
чем самые близкие дома.

* * *

Я лежу, про судьбу размышляя опять
и, конечно, — опять про тюрьму:
хорошо, когда есть по кому тосковать;
хорошо, когда нет по кому.

* * *

В тюрьме о кладах разговоры
текут с утра до темноты,
и нежной лаской дышат воры,
касаясь трепетной мечты.

* * *

Как губка втягивает воду,
как корни всасывают сок,
впитал я с детства несвободу
и после вытравить не смог.
Мои дела, слова и чувства
свободны явно и вполне,
но дрожжи рабства бродят густо
в истоков скрытой глубине.

* * *

Тюрьма – не животворное строение,
однако и не гибельная яма,
и жизнью наших ровное струение
журчит об этом тихо, но упрямо.

* * *

Сын мой, будь наивен и доверчив,
смейся, плачь от жалости слезами;
времени пылающие смерчи
лучше видеть чистыми глазами.

* * *

Смерть соседа. Странное эхо
эта смерть во мне пробудила:
хорошо умирать, уехав
от всего, что близко и мило.

* * *

Какие бы книги России сыны
создали про собственный опыт!
Но Бог, как известно, дарует штаны
тому, кто родился без жопы.

* * *

Тому, кто болен долгим детством,
хотя и вырос, и неглуп,
я полагал бы лучшим средством
с полгода есть тюремный суп.

* * *

Скудной пайкой тюремного корма
жить еврею совсем не обидно;
без меня здесь процентная норма
не была бы полна, очевидно.

* * *

Под каждым знаменем и флагом,
единым стянуты узлом,
есть зло, одевшееся благом,
и благо, ряженое злом.

* * *

Здесь очень подолгу малейшие раны
гниют, не хотят затянуться, болят,
как будто сам воздух тюрьмы и охраны
содержит в себе разлагающий яд.

* * *

Жизнь – серьезная, конечно,
только все-таки игра,
так что фарт возможен к вечеру,
если не было с утра.

* * *

Мне роман тут попался сопливый —
как сирот разыскал их отец,
и, заплакав, уснул я, счастливый,
что всплакнуть удалось наконец.

* * *

Беды меня зря ожесточали,
злобы и в помине нет во мне,
разве только облачко печали
в мыслях о скисающем вине.

* * *

Сея разумное, доброе, вечное,
лучше уйти до пришествия осени,
чтобы не видеть, какими увечными
зерна твои вырастают колосьями.

* * *

Под этим камнем я лежу.
Вернее, то, что было мной,
а я теперешний — сижу
уже в совсем иной пивной.

* * *

Вчера, ты было так давно!
Часы стремглав гоняют стрелки.
Бывает время пить вино,
бывает время мыть тарелки.

* * *

Страшна тюремная свирепость,
а гнев безмерен и неистов,
а я лежу – и вот нелепость —
читаю прозу гуманистов.

* * *

Я днями молчу и ночами,
я нем, как вода и трава;
чем дольше и глубже молчанье,
тем выше и чище слова.

* * *

Курю я самокрутки из газеты,
боясь, что по незнанию страниц
я с дымом самодельной сигареты
вдыхаю гнусь и яд передовиц.

* * *

Здесь воздуха нет, и пощады не жди,
и страх в роли флага и стимула,
и ты безнадежно один на один
с Россией, сгущенной до символа.

* * *

Не зря из жизни вычтены года
на сонное притушенное тление,
в пути из ниоткуда в никуда
блаженны забытие и промедление.

* * *

Тюремные насупленные своды
весьма обогащают бытие,
неведомо дыхание свободы
тому, кто не утрачивал ее.

* * *

Мои душевные итоги
подбил засов дверей стальных,
я был ничуть не мягче многих
и много тверже остальных.

* * *

Исчерпывая времени безбрежность,
мы движемся по тающим волнам,
и страшны простота и неизбежность
того, что предстоит однажды нам.

* * *

Овчарка рычит. Из оскаленной пасти
то хрип вылетает, то сдавленный вой;
ее натащали на запах несчастья,
висящий над нашей молчащей толпой.

* * *

Тюрьма едина со страной
в морали, облике и быте,
лишь помесь волка со свиньей
тут очевидней и открытей.

* * *

Не веришь – засмейся, наткнешься – не плачь:
повсюду без видов на жительство
несчастья живут на подворьях удач
и кормятся с их попустительства.

* * *

Чем глубже ученые мир познают,
купаясь в азартном успехе,
тем тоньше становится зыбкий уют
земной скоротечной утехи.

* * *

Не только непостижная везучесть
присуща вездесущей этой нации,
в евреях раздражает нас живучесть
в безвыходно кромешной ситуации.

* * *

Очень много смысла в мерзкой каше,
льющейся назойливо и весело:
радио дробит сознание наше
в мелкое бессмысленное месиво.

* * *

Над каждым из живущих – вековые
висят вопросы жизни роковые,
и правильно, боюсь я, отвечает
лишь тот, кто их в упор не замечает.

* * *

Мои соседи по темнице,
мои угрюмые сожители —
сентиментальные убийцы,
прекраснодушные растлители.
Они иные, чем на воле,
тут нету явственных уродов,
казна стоит на алкоголе,
а здесь — налог с ее доходов.

* * *

В камере, от дыма серо-синей,
тонешь, как в запое и гульбе,
здесь я ощутил себя в России
и ее почувствовал в себе.

* * *

Мои духовные запросы,
гордыня, гонор и фасон
быстрее, чем дым от папиросы,
в тюрьме рассеялись, как сон.

* * *

Наука — та же кража: в ней,
когда всерьез творишь науку,
чем глубже лезешь, тем трудней
с добычей вместе вынуть руку.

* * *

Как есть забвенье в алкоголе,
как есть в опасности отрада,
есть обаяние в неволе
и в боли странная услада.

* * *

Тюрьма – полезное мучение,
не лей слезу о происшедшем,
судьба дарует заточение
для размышлений о прошедшем.

* * *

Тюрьма весьма обогащает
наш опыт игр и пантомим,
но чрезвычайно сокращает
возможность пользоваться им.

* * *

Тюрьма к истерике глуха,
тюрьма – земное дно,
здесь опадает шелуха
и в рост идет зерно.

* * *

Российские цепи нелепы,
убоги и ржавы, но мы
уже и растленны, и слепы,
чтоб выйти за стены тюрьмы.

* * *

Кем-то проклята, кем-то воспета,
но в тюрьме, обители зла,
сколько жизней спасла сигарета,
сколько лет скоротать помогла!

* * *

Я жил сутуло, жил невнятно
и ни на что уже не в силах;
тюрьма весьма благоприятна
для освеженья крови в жилах.

* * *

В тюрьме тоска приходит волнами,
здесь не рыдают, не кричат,
лишь острой болью переполнены,
темнеют, никнут и молчат.

* * *

Когда небо в огне и дожде
и сгущаются новые тучи,
с оптимистами легче в беде;
но они и ломаются круче.

* * *

Есть время, когда нам необходимо
медлительное огненное тление,
кишение струящегося дыма
и легкое горчащее забвение.

* * *

Рыцари бесстрашия и риска,
выйдя из привычной темноты,
видимые явственно и близко, —
очень часто трусы и скоты.

* * *

Я всякое начальство наше гордое
исследовал, усилий не жалея:
гавно бывает жидкое и твердое,
и с жидким – несравненно тяжелее.

* * *

За то судьбой, наверно, сунут я
в компанию насильника и вора,
что дивную похлебку бытия
прихлебывал без должного разбора.

* * *

Как вехи тянущихся суток
ползут утра и вечера.
Зима души. Зима рассудка.
Зима всего, чем жил вчера.

* * *

Пойдет однажды снова брат на брата,
сольется с чистой кровью кровь злодея,
и снова будет в этом виновата
высокая и светлая идея.

* * *

Чтобы мечта о часе странствий
могла и греть и освежать,
душа нуждается в пространстве,
откуда хочется бежать.

* * *

Пришлось отказаться от массы привычек,
любезных для тела, души и ума,
теперь я лишь строчка сухих рапортичек
о том, что задумчив и скрытен весьма.

* * *

Утешаясь в тюремные ночи,
я припомнил, как бурно я жил —
срок мой будет намного короче
многих лет, кои я заслужил.

* * *

Судьба послала мне удачу —
спасибо, замкнутая дверь:
что я хочу, могу и значу,
сполна обдумаю теперь.

* * *

Вчера смеявшийся до колик,
терпеть не могущий ошейник,
теперь – тюремный меланхолик
наш закупоренный мошенник.

* * *

На свете сегодня так тихо,
а сердце так бьется и скачет,
что кажется – близится Тиха,
богиня случайной удачи.

* * *

А ночью стихает трущоба,
укрытая в каменном здании,
и слышно, как копится злоба —
в рассудке, душе и сознании.

* * *

В эпохах, умах, коридорах,
где разум, канон, габарит,
есть области, скрывшись в которых,
разнузданный хаос царит.

* * *

Снова ночь. Гомон жизни затих.
Где-то пишет стучащ донесение.
А на скрипке нервишек моих
память вальсы играет осенние.

* * *

Забавно жить среди огней
сторожевого освещения,
и мавзолее души моей
пока закрыт для посещения.

* * *

Я только внешне сух и сдержан,
меня беда не затравила,
тюрьма вернула жизни стержень
и к жизни вкус возобновила.

* * *

Есть в позднем сумраке минуты,
когда густеет воздух ночи,
и тяжкий гул душевной смуты
тоской предчувствий разум точит.

* * *

Какие прекрасные русские лица!
Какие раскрытые ясные взоры!
Грабитель. Угонщик. Насильник. Убийца.
Растлитель. И воры, и воры, и воры.

* * *

Я восхищен, мой друг Фома,
твоим божественным устройством;
кому Господь не дал ума,
тех наградил самодовольством.

* * *

Забыт людьми, оставлен Богом,
сизу, кормясь казенной пищей,
моим сегодняшним чертогам
не позавидует и нищий.
Судьба, однако же, права,
я заслужил свое крушение,
и тень Вийона Франсуа
ко мне приходит в утешение.

* * *

Уже при слове «махинация»,
от самых звуков этих славных
на ум сей миг приходит нация,
которой нету в этом равных.

* * *

Кого постигло обрезание,
того не мучает неволя,
моя тюрьма – не наказание,
а историческая доля.

* * *

Что мне сказать у двери в рай,
когда душа покинет тело?
Я был бездельник и лентяй,
но потому и зла не делал.

* * *

Тюрьма – не простое скопление людей,
отстойник угарного сброда,
тюрьма – воплощение смутных идей,
зовущихся духом народа.

* * *

Хилые и рвущиеся сети
ловят мелюзгу и оборванцев,
крупную акулу здесь не встретить,
ибо рыбаки ее боятся.

* * *

Тюрьма – условное понятие,
она тосклива для унылых,
души привычное занятие
остановить она не в силах.

* * *

Уже я за решеткой столько времени,
что стал и для охраны словно свой:
спасая честь собачьего их племени,
таскал мне сигареты часовой.

* * *

Что мне не выйти из беды,
я точно высчитал и взвесил;
вкусивши ясности плоды,
теперь я снова тверд и весел.

* * *

Надежны тюремные стены.
Все прочно, весомо, реально.
Идея разумной системы
в тюрьме воплотилась буквально.

* * *

Когда все, что имели, растратили
и дошли до потери лица,
начинают любить надзирателей,
наступает начало конца.

* * *

На папертях оставшихся церковей
стоят, как на последних рубежах,
герои легендарных давних дней,
забытые в победных дележах.

* * *

Убийцы, воры и бандиты —
я их узнал не понаслышке —
в тюрьме тихони, эрудиты
и любопытные мальчишки.

* * *

Удачей, фартом и успехом
не обольщайся спозаранку,
дождись, покуда поздним эхом
тебе не явит их изнанку.
Я опыт собственный на этом
имею, бедственный еврей,
о чем пишу тебе с приветом
из очень дальних лагерей.

* * *

Со всем, что знал я о стране,
в тюрьме совпала даже малость;
все, что писал я о тюрьме,
банальной былью оказалось.

* * *

Дерзостна, лукава, своевольна —
даже если явна и проста —
истина настолько многослойна,
что скорей капуста, чем кристалл.

* * *

Кто с войной в Россию хаживал,
тем пришлось в России туго,
а мы сломим силу вражью
и опять едим друг друга.

* * *

Когда народом завладели
идеи благодетельных романтиков,
то даже лютые злодеи
добрее искренних фанатиков.

* * *

За стенкой человека избивают,
а он кричит о боли и свободе,
но силы его явно убывают,
и наши сигареты на исходе.

* * *

Достаточен любой случайный стих,
чтоб запросто постичь меня до дна:
в поверхностных писаниях моих
глубокая безнравственность видна.

* * *

Ветрами осени исколота,
летит листва на нашу зону,
как будто льются кровь и золото
с деревьев, сдавшихся сезону.
А в зоне все без перемен,
вращенье суток нерушимо,
и лишь томит осенний тлен,
припев к течению режима.

* * *

Прогресс весьма похож на созидание,
где трудишься с настойчивостью рьяной,
мечтаешь — и выстраиваешь здание

с решетками, замками и охраной.

* * *

Вслушиваясь в музыку событий,
думая о жизни предстоящей,
чувствую дрожанье тонкой нити,
еле-еле нас еще держащей.

* * *

Только у тюрьмы в жестокой пасти
понял я азы простой науки:
злоба в человеке – дочь несчастья,
сытой слепоты и темной скуки.

* * *

Тем интересней здесь, чем хуже.
Прости разлуку мне, жена,
в моей тюрьме, как небо в луже,
моя страна отражена.

* * *

Страшно, когда слушаешь, как воры
душу раскрывают сгоряча:
этот – хоть немедля в прокуроры,
а в соседе – зрелость палача.

* * *

Когда мы все поймем научно
и все разумно объясним,
то в мире станет жутко скучно,
и мы легко простимся с ним.

* * *

Живу, ничуть себя не пряча,
но только сумрачно и молча,
а волки лают по-собачьи
и суки скалятся по-волчьи.

* * *

Мы по жизни поем и пляшем,
наслаждаясь до самой смерти,
а грешнее ангелов падших —
лишь раскаявшиеся черти.

* * *

Дух нации во мне почти отсутствовал.
Сторонник лишь духовного деления,
евреем я в тюрьме себя почувствовал
по духу своего сопротивления.

* * *

Путь из рабства мучительно сложен
из-за лет, когда зрелости ради
полежал на прохвостовом ложе
воспитания, школы и радио.

* * *

А Божий гнев так часто слеп,
несправедлив так очевидно,
так беспричинен и нелеп,
что мне порой за Бога стыдно.

* * *

Спящий беззащитен, как ребенок,
девственно и трогательно чист,
чмокает губами и спросонок
куксится бандит-рецидивист.

* * *

Когда попал под колесо
судебной пыточной машине,
тюрьма оправдывает все,
чем на свободе мы грешили.

* * *

Боюсь, что проявляется и тут
бездарность социальных докторов:
тюрьма сейчас – отменный институт
для юных и неопытных воров.

* * *

Вселяясь в тело, словно в дом,
и плоти несколько чужая,
душа бессмертна только в том,
кто не убил ее, мужая.

* * *

Как еврею ящик запереть,
если он итог не подытожит?
Вечный Жид не может умереть,
так как получить долги не может.

* * *

Познания плоды настолько сладки,
а дух научный плотски так неистов,
что многие девицы-психопатки
ученых любят больше, чем артистов.

* * *

Мой друг рассеян и нелеп,
смешны глаза его шальные;
кто зряч к невидимому – слеп
к тому, что видят остальные.

* * *

Нет исцеления от страсти
повелевать чужой судьбой,
а испытавший сладость власти
уже не властен над собой.

* * *

Жажда жизни во мне окрепла,
и рассудок с душой в союзе,
и посыпано темя пеплом
от сгоревших дотла иллюзий.

* * *

Поблеклость глаз, одряблость щек,
висящие бока —
я часто сам себе смешон,
а значит — жив пока.

* * *

Все значимо, весомо в нашей жизни,
и многое, что нынче нипочем,
когда-нибудь на пьяной шумной тризне
друзья оценят вехой и ключом.

* * *

Сколько раз мне память это пела
в каменном гробу тюремных плит:
гаснет свет, и вспыхивает тело,
и душа от нежности болит.

* * *

Судьба нам посылает лишь мотив,
неслышимой мелодии струю,
и счастлив, кто узнал и ощутил
пожизненную музыку свою.

* * *

Познать наш мир – не означает ли
постичь Создателя его?
А этим вольно и нечаянно
мы посягаем на Него.

* * *

Неволя силу уважает
с ее моралью немудрящей,
и слабый сильных раздражает
своей доступностью дразнящей.

* * *

В эпохи покоя мы чувствами нищи,
к нам сытость приходит, и скука за ней;
в эпохи трагедий мы глубже и чище,
и музыка выше, и судьбы ясней.

* * *

Жаль, натура Бога скуповата,
как торговка в мелочной палатке:
старость – бессердечная расплата
за года сердечной лихорадки.

* * *

Тоска и жажда идеала
Россию нынче обуяла:
чтоб чист, высок, мечтой дышал,
но делать деньги не мешал.

* * *

Я уверен, что любая галерея
фотографий выдающихся людей
с удовольствием купила бы еврея,
не имеющего собственных идей.

* * *

Ни болтуном, ни фарисеем
я не сидел без дел в углу,
я соль сажал, и сахар сеял,
и резал дымом по стеклу.

* * *

В жизни надо делать перерывы,
чтобы выключаться и отсутствовать,
чтобы много раз, покуда живы,
счастье это заново почувствовать.

* * *

Не так обычно страшен грех,
как велико предубеждение,
и кто раскусит сей орех,
легко вкушает наслаждение.

* * *

Отцы сидят в тюрьме за то, что крали,
а дети станут воры без отцов.
Об этой чисто басенной морали
подумает ли кто в конце концов?

* * *

Что в раю мы живем голубом
и что каждый со всеми согласен,
я готов присягнуть на любом
однотомнике сказок и басен.

* * *

Все мысли бродят летом по траве
и плещутся в реке под синим небом,
цветут у нас ромашки в голове,
и поле колосится юным хлебом.

* * *

Ушли в былое плоти танцы,
усладам тела дан отбой,
душа оделась в жесткий панцирь
и занялась самой собой.

* * *

Увы, казенная казна
порой тревожит наши чувства
ничуть не меньше, чем козла
тревожит сочная капуста.

* * *

Те, кто грешил в раю земном,
но грех судил в других,
в аду разжеванным гавном
плюют в себя самих.

* * *

Боюсь, что в ежедневной суматохе,
где занят и размерен каждый час,
величие вершащейся эпохи
неслышно и невидимо для нас.

* * *

Легко найти, душой не дорожа,
похожести зверинца и тюрьмы,
но в нашем зоопарке сторожа
куда зверообразнее, чем мы.

* * *

Я много лет себе же самому
пишу, хочу сказать, напоминаю:
столь занят я собой лишь потому,
что темы интересней я не знаю.

* * *

Неважно, что хожу я в простачках
и жизнь моя сумятицей заверчена:
душа моя давно уже в очках,
морщиниста, суха и недоверчива.

* * *

Проворны и успешливы во многом,
постигшие и цены, и размерность,
евреи торговали даже с Богом,
продав Ему сомнительную верность.

* * *

Посажен в почву, как морковка,
я к ней привык уже вполне,
моей морали перековка
нужна кому-то, но не мне.

* * *

О счастье жить под общим знаменем
я только слышал и читал,
поскольку всем земным слияниям
весь век любовь предпочитал.

* * *

Здесь мысли о новом потопе
назойливы, как наваждение:
в подвале гниющих утопий
заметней его зарождение.

* * *

Сколько бы вина моя ни весила
на весах у Страшного Суда,
лучше мне при жизни будет весело,
нежели неведомо когда.

* * *

Все меньше находок и больше потерь,
устала фартить моя карта,
и часто мне кажется странным теперь,
что столько осталось азарта.

* * *

Вдыхаю день за днем тюремный яд
и впитываю тлена запах прелый;
конечно, испытания взрослят,
но я прекрасно жил и незрелый.

* * *

Страшнее всего в этой песенке,
что здесь не засовы пудовые,
а нас охраняют ровесники,
на все по приказу готовые.

* * *

Что нас ведет предназначение,
я понял в келье уголовной:
душе явилось облегчение
и чувство жизни полнокровной.

* * *

Остаться неизменным я пытаюсь,
я прежнего себя в себе храню,
но реже за огонь теперь хватаюсь,
и сдержанней влечение к огню.

* * *

Прекрасный сказочный мотив
звучит вокруг на каждой лире,
и по душе нам этот миф,
что мир возможен в этом мире.

* * *

В России преследуют всякую речь,
которая трогает раны,
но память, которую стали стеречь,
гниет под повязкой охраны.

* * *

В тюрьме весной почти не спится,
одно и то же на уме —
что унеслась моя синица,
а мой журавль еще в тюрьме.

* * *

Я в шахматы играл до одурения,
от памяти спасаясь и тоски,
уроками атаки и смирения
заимствуясь у шахматной доски.

* * *

Как обезумевший игрок,
всецело преданный азарту,
я даже свой тюремный срок
стихами выставил на карту.

* * *

Поют в какой-то женской камере,
поют навзрыд – им так поется!
И всюду стихли, смолкли, замерли,
и только песня раздается.

* * *

Колеса, о стыки стуча неспроста,
мотив извлекают из рельса:
держись и крепись, впереди темнота,
пока ни на что не надейся.

* * *

Смешны слова про равенство и братство
тому, кто, поживя с любой толпой,
почувствует жестокость и злорадство
в покорной немоте ее тупой.

* * *

Кому судьбой дарована певучесть,
кому слышна души прямая речь,
те с легкостью несут любую участь,
заботясь только музыку сберечь.

* * *

Клянусь я прошлогодним снегом,
клянусь трухой гнилого пня,
клянусь врагов моих ночлегом —
тюрьма исправила меня.

* * *

Ломоть хлеба, глоток и затяжка,
и опять нам беда не беда;
ах, какая у власти промашка,
что табак у нас есть и еда.

* * *

Я понял это на этапах
среди отбросов, сора, шлаков:
беды и боли горький запах
везде и всюду одинаков.

* * *

Снова путь и железная музыка
многорельсовых струн перегона,
и глаза у меня — как у узника,
что глядит за решетку вагона.

* * *

И тюрьмы, и тюрьмы – одна за другой,
и в каждой – принют и прием,
и крутится-вертится шар голубой,
и тюрьмы, как язвы, на нем.

* * *

Веди меня, душевная сноровка,
гори, моя тюремная звезда,
от Бога мне дана командировка,
я видеть и понять пришел сюда.

* * *

Я взвесил пристально и строго
моей души материал:
Господь мне дал довольно много,
но часть я честно растерял,
а часть усохла в небрежении,
о чем я несколько грущу
и в добродетельном служении
остатки по ветру пушу.
Минуют сроки заточения,
свобода поезд мне подкатит,
и я скажу: «Мое почтение!» —
входя в пивную на закате.
Подкинь, Господь, стакан и вилку,
и хоть пошли опять в тюрьму,
но тяжелее, чем бутылку,
отныне я не подниму.

*Загорск – Волоколамск – Ржев —
Калуга – Рязань – Челябинск —
Красноярск*

79–80 гг.

В лагере я стихов не писал, там я писал прозу.

Сибирский дневник. Часть первая

* * *

Судьбы моей причудливое устье
внезапно пролегло через тюрьму
в глухое, как Герасим, захолустье,
где я благополучен, как Муму.

* * *

Все это кончилось, ушло,
исчезло, кануло и сплыло,
а было так нехорошо,
что хорошо, что это было.

* * *

Живя одиноко, как мудрости зуб,
вкушаю покоя отраду:
лавровый венок я отправил на суп,
терновый – расплел на ограду.

* * *

Приемлю тяготы скитаний,
ничуть не плачась и не ноя,
но рад, что в чашу испытаний
теперь могу подлить спиртное.

* * *

Все смоем дождь. Огонь очистит.
Покроет снег. Сметут ветра.
И сотни тысяч новых истин
на месте умерших вчера

взойдут надменно.

* * *

С тех пор как я к земле приник,
я не чешу перстом в затылке,
я из дерьма сложил парник,
чтоб огурец иметь к бутылке.

* * *

Живу, напевая чуть слышно,
беспечен, как зяблик на ветке,
расшиты богато и пышно
мои рукава от жилетки.

* * *

Навряд ли кто помочь друг другу может,
мы так разобщены на самом деле,
что даже те, кто делит с нами ложе,
совсем не часто жизни с нами делят.

* * *

Я – ссыльный, пария, плебей,
изгой, затравлен и опаслив,
и не пойму я, хоть убей,
какого хера я так счастлив.

* * *

Я странствовал, гостил в тюрьме, любил,
пил воздух, как вино, и пил вино, как воздух,
познал азарт и риск, богат недолго был
и вновь бездонно пуст. Как небо в звездах.

* * *

Я клянусь всей горечью и сладостью
бытия прекрасного и сложного,
что всегда с готовностью и радостью
отзовусь на голос невозможного.

* * *

Не соблазняясь жирным кусом,
любым распахнут заблуждениям,
в несчастья дни я жил со вкусом,
а в дни покоя – с наслаждением.

* * *

Я снизил бытие свое до быта,
я весь теперь в земной моей судьбе,
и прошлое настолько мной забыто,
что крылья раздражают при ходьбе.

* * *

Я, по счастью, родился таким,
и устройство мое – дефективно:
мне забавно, где страшно другим,
и смешно даже то, что противно.

* * *

Мне очень крепко повезло:
в любой тюрьме, куда ни деньте,
мое пустое ремесло
нужды не знает в инструменте.

* * *

Мне кажется, она уже близка —
расплата для застрявших здесь, как дома:
всех мучает неясности тоска,
а ясность не бывает без погрома.

* * *

Когда в душе тревога, даже стены,
в которых ты укрылся осторожно,
становятся пластинами антенны,
сигналищей, что все кругом тревожно.

* * *

Настолько я из разных лоскутков
пошит нехорошо и окаянно,
что несколько душевных закутков
другим противоречат постоянно.

* * *

Откуда ты, вечерняя тоска?
Совсем еще не так уже я стар.
Но в скрежете гармонию искал
и сам себя с собой мирить устал.

* * *

Я вернулся другим — это знает жена,
что-то прочно во мне заторможено,
часть бывшего меня тем огнем сожжена,
часть другая — тем льдом обморожена.

* * *

Порядка мы жаждем! Как формы для теста.
И скоро мясной мускулистый мессия
для миссии этой заступит на место,
и снова, как встарь, присмирееет Россия.

* * *

Когда уходил я, приятель по нарам,
угрюмый охотник, таежный медведь:
– Послушай, – сказал мне, – сидел ты не даром,
не так одиноко мне было сидеть.

* * *

Всех, кто встретился мне на этапах
(были всякие – чаще с надломом),
отличал специфический запах —
дух тюрьмы, становящейся домом.

* * *

На солнце снег лучится голубой,
и странно растревожен сонный разум,
я словно виноват перед тобой,
я словно, красота, тебе обязан.

* * *

Кочевник я. Про все, что вижу,
незамедлительно пою,
и даже говный прах не ниже
высоких прав на песнь мою.

* * *

Когда я буду немощным и хворым,
то смерть мою хотел бы встретить я
с друзьями – за вином и разговором
о бренности мирского бытия.

* * *

Мы бы не писали и не пели,
все бы только ржало и мычало,
если бы Россия с колыбели
будущие песни различала.

* * *

Случайно мне вдруг попадается слово,
другими внезапными вдруг обрастает,
оно – только семя, кристаллик, основа,
а стих загустеет – оно в нем растает.

* * *

Ночью мне приснился стук в окошко.
Быстрым был короткий мой прыжок.
Это банку лапой сбила кошка.
Слава Богу – рукопись не сжег.

* * *

Мне не жаль моих азартных дней,
ибо жизнь полна противоречий:
чем она разумней, тем бедней,
чем она опасней, тем беспечней.

* * *

Есть время жечь огонь и сталь ковать,
есть время пить вино и мять кровать;
есть время (не ума толчок, а сердца)
поры перекурить и осмотреться.

* * *

По здоровому, трезвому, злomu суждению
Творец навсегда завещал молчаливо
бессилие – мудрости, страсть – заблуждению
и вечную смену прилива-отлива.

* * *

Мир так непостоянен, сложен так
и столько лицедействует обычно,
что может лишь подлец или дурак
о чем-нибудь судить категорично.

* * *

О девке, встреченной однажды,
подумал я со счастьем жажды.
Спадут ветра и холода —
опять подумаю тогда.

* * *

Что мне в раю гулянье с арфой
и в сонме праведников членство,
когда сегодня с юной Марфой
вкушу я райское блаженство?

* * *

Ко мне порой заходит собеседник,
неся своих забот нехитрый ворох,
бутылка – переводчик и посредник
в таких разноязыких разговорах.

* * *

Брожу вдоль древнего тумана,
откуда ветвь людская вышла;
в нас есть и Бог, и обезьяна;
в коктейле этом – тайны вишня.

* * *

Может быть, разумней воздержаться,
мысленно затрагивая небо?
Бог на нас не может обижаться,
ибо Он тогда бы Богом не был.

* * *

От бессилия и бесправия,
от изжоги душевной путаницы
со штанов моего благонравия
постепенно слетают пуговицы.

* * *

Как лютой крепости пример,
моей душою озабочен,
мне друг прислал моржовый хер,
чтоб я был тверд и столь же прочен.

* * *

Мы чужие здесь. Нас лишь терпят.
А мерзавец, подлец, дурак
и слепые, что вертят вертел, —
плоть от плоти свои. Как рак.

* * *

Нынче это глупость или ложь —
верить в просвещение, по-моему,
ибо, что в помой ни вольешь —
теми же становится помоями.

* * *

Что ни день — обнажившись по пояс,
я тружусь в огороде жестоко,
а жена, за мой дух беспокоясь,
мне читает из раннего Блока.

* * *

Предаваясь пиршественным возгласам,
на каком-то начальном стакане
вдруг посмотришь, кем стали мы с возрастом,
и слова застревают в гортани.

* * *

Завари позабористей чай,
и давай себе душу погреем;
это годы приносят печаль,
или мы от печали стареем?

* * *

Когда сорвет беда нам дверь с петель
и новое завертит нас ненастье,
то мусор мелочей сметет метель,
а целое запомнится как счастье.

* * *

Отъявленный, заядлый и отпетый,
без компаса, руля и якорей
прожил я жизнь, а памятником ей
останется дымок от сигареты.

* * *

Один я. Задернуты шторы.
А рядом, в немой укори́зне,
бесплотный тот образ, который
хотел я сыграть в этой жизни.

* * *

Даже в тесных объятьях земли
буду я улыбаться, что где-то
бесконвойные шутки мои
каплют искорки вольного света.

* * *

Вечно и везде – за справедливость
длится непрерывное сражение;
в том, что ничего не изменилось, —
главное, быть может, достижение.

* * *

За периодом хмеля и пафоса,
после взрыва восторга и резвости
неминуема долгая пауза —
время скепсиса, горечи, трезвости.

* * *

Здесь – реликвии. Это святыни.
Посмотрите, почтенные гости.
Гости смотрят глазами пустыми,
видят тряпки, обломки и кости.

* * *

Огонь и случай разбазарили
все, чем надменно я владел,
зато в коротком этом зареве
я лица близких разглядел.

* * *

Спасибо организму, корпус верный
устойчив оказался на плаву,
но все-таки я стал настолько нервный,
что вряд ли свою смерть переживу.

* * *

Мы многих в нашей жизни убиваем —
незримо, мимоходом, деловито;
с родителей мы только начинаем,
казня их простодушно и открыто.

* * *

Всему ища вину вовне,
я злился так, что лез из кожи,
а что вина всегда во мне,
я догадался много позже.

* * *

Порой оглянешься в испуге,
бег суеты притормозя:
где ваши талии, подруги?
где наша пламенность, друзья?

* * *

Сегодня дышат легче всех
лишь волк да таракан,
а нам остались книги, смех,
терпенье и стакан.

* * *

Плоды тысячелетнего витийства
создали и залог, и перспективы
того, что в оправдание убийства
всегда найдутся веские мотивы.

* * *

Хоть я живу невозмутимо,
но от проглоченных обид
неясно где, но ощутимо
живот души моей болит.

* * *

Грусть подави и судьбу не гневи
глупой тоской пустяковой;
раны и шрамы от прежней любви —
лучшая почва для новой.

* * *

Целый день читаю я сегодня,
куча дел забыта и заброшена,
в нашей уцененной преисподней
райское блаженство очень дешево.

* * *

Потоком талых вод омыв могилы,
весна еще азартней потекла,
впитавши нерастраченные силы
погибших до пришествия тепла.

* * *

Когда по голым душам свищет хлыст
обмана, унижений и растрепанности,
то жизнь сама в себе имеет смысл:
бессмысленного, но сопротивления.

* * *

Этот образ — чужой, но прокрался не зря
в заготовки моих заповедных стихов,
ибо в лагере впрямь себя чувствовал я,
как живая лиса в магазине мехов.

* * *

Я уже неоднократно замечал
(и не только под влиянием напитков),
что свою по жизни прибыль получал
как отчетливое следствие убытков.

* * *

Душа не в теле обитает,
и это скоро обнаружат;
она вокруг него витает
и с ним то ссорится, то дружит.

* * *

Листая лагерей грядущий атлас,
смотря о нас кино грядущих лет,
пришедшие вослед пускай простят нас,
поскольку, что поймут – надежды нет.

* * *

Мы сами создаем и творим
и счастье, и нелепость, и засранство,
за что потом судьбу благодарим
и с жалобами тычемся в пространство.

* * *

Когда, отказаться не вправе,
мы тонем в друзьях и приятелях,
я горестно думаю: Авель
задушен был в братских объятиях.

* * *

За годом год я освещу
свой быт со всех сторон,
и только жаль, что пропущу
толкучку похорон.

* * *

Все говорят, что в это лето
продукты в лавках вновь появятся,
но так никто не верит в это,
что даже в лете сомневаются.

* * *

И мучит блудных сыновей
их исподлобья взгляд обратный:
трава могил, дома друзей
и общий фон, уже невнятный.

* * *

Из тупика в тупик мечась,
глядишь — и стали стариками;
светла в минувшем только часть —
дорога между тупиками.

* * *

Бог молчит совсем не из коварства,
просто у него своя забота:
имя его треплется так часто,
что его замучила икота.

* * *

Летит по жизни оготело,
бредет по грязи не спеша
мое сентябрьское тело,
моя апрельская душа.

* * *

Чем пошлей, глупей и примитивней
фильмы о красивости страданий,
тем я плачу гуще и активней
и безмерно счастлив от рыданий.

* * *

В чистилище — дымно, и вобла, и пена;

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.